

БОЛЬШЕ ЧЕМ
ДЕТЕКТИВ

Читайте все романы Александры Марининой:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего – никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла
Обратная сила. 1842 – 1919
Обратная сила. 1965 – 1982
Обратная сила. 1983 – 1997
Цена вопроса. Том 1
Цена вопроса. Том 2

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Оборванные
НИТИ
Том 2

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *И. Хивренко*

*Новое издание в двух томах.
Ранее роман выходил в трех томах.*

Маринина, Александра.

М26 Оборванные нити. Роман. В 2 т. Т. 2 /
Александра Маринина. — Москва : Эксмо,
2018. — 640 с. — (А. Маринина. Больше чем
детектив).

ISBN 978-5-04-094857-4

Судмедэксперт Сергей Саблин – человек кристально честный, бескомпромиссный, но при этом слишком прямолинейный – многим кажется грубым, с тяжелым характером. Да что там многим – всем, включая родную мать и любимую женщину. Но для врача Саблина истина – главное, на сделки с совестью он не идет, чем бы его ни приманивали и чем бы ни грозили люди, заинтересованные в тех или иных выводах вскрытия...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М. А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094857-4

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА 1

В феврале морозы в Северогорске стояли лютые, и Саблину, как и на протяжении двух предыдущих зим, прожитых на Крайнем Севере, все время хотелось лечь в постель и укрыться потеплее, вытянуть ноги и лежать, и уж ни в коем случае не выходить на улицу. А если добавить к этому, что зима в северных широтах — не просто холода, но еще и полярная ночь, когда дневного света почти совсем нет, то понятно, что ему хотелось не только лежать в постели, но и спать. Чем крепче и дольше — тем лучше.

Однако режим трудового дня здесь был точно таким же, как и во всех прочих местностях необъятной России. Все ходили сонными как мухи, но жаловаться никому и в голову не приходило — привыкли.

В конце февраля 2002 года Сергей, придя на работу в Бюро, заглянул в приемную к начальнику: ему как исполняющему обязанности заведующего отделением судебно-гистологической экспертизы нужно было решить с Георгием Степановичем чисто производственный вопрос. Рыжеволосая Светлана, как обычно, сидела за огромным столом, только теперь ее крохотную фигурку скрывала не электрическая пишущая машинка, а стационарный компьютер.

— У себя шеф? — спросил Сергей.

Светлана выглянула из-за монитора и прижала палец к губам.

— Тише, Сергей Михайлович, — прошептала она. — Вам туда сейчас лучше не соваться.

— А в чем дело? — удивился он. Посмотрел на часы, прикинул — вроде он и не опоздал, так что нагоняй получать не за что, а других грехов за ним пока не водится. Кроме, конечно, случая с экспертизой по ДТП с дочкой директора фабрики, но это когда было... Двойк уже свое откричал по этому поводу и слюной отбрызгал.

— Там Василенко. Шеф ей правила жизни объясняет.

— Василенко? — Сергей удивился еще больше. — А что она тут делает? Она же в декрете.

Светлана укоризненно покачала головой:

— Ну Сергей же Михайлович, вы на каком свете вообще живете-то? Вы вот на часы посматриваете, а на календарь забываете. Валентина Юрьевна в декабре девяносто восьмого ушла в декрет, в феврале девяносто девятого родила, три года просидела с ребенком, вот теперь, в феврале второго года, она и вышла на работу. Вы считать сами не пробовали?

Он действительно не пробовал. Валентина Юрьевна Василенко заведовала отделением судебно-гистологической экспертизы до ухода в декрет, потом, летом девяносто девятого года, приехал Саблин, которого назначили исполняющим обязанности заводделением, объяснив, что до тех пор, пока Василенко находится в декретном отпуске, никого на ее место назначить нельзя. Сергей как-то очень быстро забыл о том, что он — всего лишь «исполняющий обязанности», а не полноценный заводделени-

ем. Он работал не покладая рук, налаживая бесперебойную работу лаборантов-гистологов, выбивая у руководства деньги на приобретение более современного оборудования и реактивов, требуя материального поощрения для своих подчиненных к каждому празднику и в конце года, висел над душой Георгия Степановича, заставляя его звонить в мэрию и в прочие органы власти и управления и добиваться то улучшения жилищных условий для многосемейной лаборантки, то места в детском саду для другой сотрудницы, то льготной путевки в санаторий для третьей. Это было ЕГО отделение, он, Сергей Михайлович Саблин, был в нем хозяином и повелителем, стало быть, он и отвечал за кадровую политику и за благополучие личного состава, усилиями которого выполнялся колоссальный объем работы, требующей точности, внимания и терпения. Именно так ему это виделось.

И вот сегодня ему напомнили, что все не совсем так. У отделения есть другой хозяин, вернее, хозяйка, которая в свое время развалила всю работу и фактически ее парализовала, а теперь, когда все отлажено и работает как часы, пришла на готовенькое и собирается выдернуть из-под Саблина кресло руководителя.

— Мне что, готовиться сдавать дела? — холодно спросил он у Светланы.

Та засмеялась и отрицательно покачала головой.

— Да вы что, Сергей Михайлович, кто ж вас отпустит с заведования? Шеф Валентине Юрьевне популярно объясняет, что если она считает свой материнский долг выше профессионального, то он относится к этому с уважением и вниманием и не смеет загружать ее функциями руководителя. Про-

ще говоря: он не выпустит Валентину из кабинета до тех пор, пока она не напишет заявление о переводе ее на должность эксперта-гистолога. Так что спите спокойно.

Но спокойно спать Сергею как-то не удавалось. Двойка действительно выбил из Валентины Юрьевны Василенко заявление о переводе на нижестоящую должность, но трудно было бы ожидать, что ей это сильно понравится. С Саблиным, немедленно назначенным на должность заведующим, она разговаривала сквозь зубы и взглядом старалась не встречаться. Но Сергею было на это по большому счету наплевать: пусть смотрит в глаза, пусть не смотрит, лишь бы работу делала добросовестно.

А гистологом Валентина Юрьевна была очень даже неплохим, так что со временем, спустя несколько месяцев, отношения у них стали если не теплыми, то, по крайней мере, ровными и вполне деловыми.

В августе Сергей улетел в Москву, а оттуда — в Турцию, в отпуск, вместе с Леной и Дашенькой, которой через два месяца исполнялось уже десять лет. В прошлом году они во время отпуска ездили в Египет, провели там чудесные десять дней, а остальное время — сперва под Ярославлем у Лениной родни, потом в Подмосковье на даче у родителей Сергея. Если жизнь в одной квартире с Леной казалась ему когда-то совершенно невыносимой, то проживание на огромном расстоянии друг от друга сделало ее прекрасной женой, чего Саблин ну никак не ожидал. Лена почти не звонила ему сама, не теребила, не требовала, чтобы он приехал, не настаивала на том, чтобы он либо возвращался в Москву, либо забирал семью к себе в Северогорск. Она с удовольствием принимала от мужа ежемесячно посылаемые отнюдь не

маленькие деньги, с удовольствием отвечала на его вопросы о дочери и вообще о том, «как дела», когда он соизволял сам ей позвонить, с удовольствием же ездила с ним в отпуск и с не меньшим удовольствием предавалась телесным утехам в объятиях законного супруга. Супруг же давно уже перестал корить себя за то, что изменяет любовнице, которую любит глубоко и искренне, с собственной женой, которую не любит совсем, но против сексуальной притягательности которой устоять не может. Да и не хочет. В конце концов, он — муж. Имеет право.

Накупавшись и наплававшись в теплом прозрачном Средиземном море, находившись за грибами в подмосковных лесах и «наспавшись» с Леной, Сергей вернулся в Северогорск. И сразу же узнал, что за время его отсутствия эксперт-гистолог Василенко поступила в заочную аспирантуру по судебной медицине в одном из медицинских вузов Санкт-Петербурга. Значит, она собирается писать и защищать диссертацию, получать ученую степень кандидата наук, после чего у нее появятся отличные шансы столкнуть Саблина с места заведующего. Понятно, что в таком деле, как экспертиза, ученая степень позволяет претендовать на более высокую должность. Значит, война еще не окончена, была всего лишь временная передышка.

Но войны, собственно говоря, никакой и не было, Валентина Юрьевна добросовестно работала, хотя и частенько брала больничный по уходу за ребенком: в детских садах малышня болеет постоянно. Саблина это раздражало ужасно, он готов был сутками не отходить от микроскопа, что-то придумать, искать и анализировать литературу по непонятным ему случаям, брал «стекла» домой, чтобы пока-

зять Ольге и посоветоваться с ней, появлялся в Бюро и в выходные дни, и ему претило такое отношение к работе, когда ровно минута в минуту с окончанием рабочего дня выключался электронный микроскоп и эксперт уходил. Сделать с этим он ничего не мог, трудовая деятельность судебно-медицинской экспертизы регламентировалась трудовым кодексом, а не Положением о прохождении службы, как у милицейских или военных экспертов-криминалистов, которые носили погоны и рабочий день которых считался ненормированным. Здесь, в Бюро, можно было уповать только на сознательность сотрудников и их преданность профессии. Однако эти качества встречались не у всех. Далекое не у всех.

* * *

Помещение, в котором проходили клинико-анатомические конференции, было рассчитано человек на шестьдесят, но на сами конференции врачей собиралось не более тридцати, от силы — сорока человек. Саблин и эксперт-танатолог Филимонов пришли одними из первых, заняли места в третьем ряду и стали с любопытством оглядывать всех, кто заходил в зал после них. Кто придет? С кем выпадет в этот раз схватиться? И кто встанет на их сторуону?

Собственно, Сергей приехал на конференцию не по своему почину, а по просьбе Виталия Николаевича Филимонова, который попросил гистолога, выполнявшего исследование по случаю, ставшему предметом разбора на конференции, поддержать его и дать необходимые разъяснения. В общем-то, Саблин не обязан был это делать и, если бы речь

шла о вскрытии взрослого человека, почти наверняка отказался бы, в резкой, как обычно, форме посоветовав танатологу самому вникнуть в результаты гистологической экспертизы и приготовиться к отстаиванию своего диагноза. Сергей терпеть не мог профессиональной некомпетентности, но чего уж он совершенно не выносил, так это лени и нежелания ее преодолевать.

Но здесь случай был особым. Ребенок. Пятимесячная девочка, которую вскрывал Виталий Николаевич и предварительным диагнозом выставил СВС — «Синдром внезапной смерти». Как только Саблин прочитал эти ненавистные слова в направлении на гистологическое исследование, у него перед глазами поплыли темно-красные пятна. Опять! Да сколько же можно! Нет, он не оставит этот диагноз без внимания, для него это дело принципа. В Москве он свою войну проиграл, и проиграл бесславно. Но он не сдался. И теперь, когда и опыта побольше, и возможностей, он костями ляжет, но доведет дело до победного конца. Он добьется, чтобы хотя бы здесь, в Северогорске, перестали прикрывать этим «тупым», на его взгляд, словосочетанием нежелание или неумение разобраться в истинных причинах смерти детей. И особенно недопустимо, если при помощи пресловутого СВС окажется «прикрытым» криминальное насилие и преступник останется безнаказанным.

Именно поэтому, закончив гистологию и придя к определенным выводам по поводу диагноза, он пошел в ординаторскую к танатологам.

— Виталий, ты девочку как вскрывал? — они давно уже были на «ты». — Особенно мягкие ткани шеи и лица? По Медведеву?

В глазах Филимонова промелькнуло удивление, быстро сменившееся настороженностью, готовой перейти во враждебность.

— Нет, как обычно.

Сергей почувствовал, как поднимается из груди и готовится ударить в голову закипающая ярость, но усилием воли заставил себя сдержаться.

— Слушай, друг мой, тебе никогда не объясняли, что для вскрытия детских трупов разработана специальная методика? Нельзя детей вскрывать так же, как взрослых!

Он все-таки не удержался и сорвался на крик.

— Не ори на меня, — сухо вато произнес Филимонов. — Ты пришел с результатами гистологии? Давай обсудим. А голос повышать тут не надо.

Виталия Николаевича можно было обвинить в чем угодно, но только не в трусости. Он, пожалуй, был единственным сотрудником Бюро, кто не боялся Саблина, когда тот позволял себе повышать голос.

Сергей перевел дух и постарался говорить более спокойно.

— Объясни мне, пожалуйста, почему ты выставил СВС? На каком основании?

Филимонов пожал плечами:

— Тимус увеличен. Если я правильно помню, девятнадцать граммов. Раз вилочковая железа увеличена, то она могла сдавить сердце и легкие, и от этого ребенок умер. Какого тебе еще камня нужно для диагноза? Типичное тимико-лимфатическое состояние.

— Виталий, ты что, только взвешивать умеешь? — зло спросил Сергей. — Ты не знаешь о том, что при тимико-лимфатическом статусе в тканях вилочковой железы должны быть и микроскопические изменения в виде гиперплазии и, кроме того — гипо-

плазия коры надпочечников? Знал, да забыл? Или вообще не знал?

Филимонов посмотрел на него с интересом.

— Ну и? Ты нашел?

— Ничего я не нашел. Не было там тимико-лимфатического статуса и в помине. И что ты все цепляешься к тимусу? Это теория девятнадцатого века, от которой давным-давно отказались. Ты молодой мужик, учился по современным учебникам, что ж ты такой дремучий-то! Ты литературу по специальности хоть когда-нибудь читаешь? Или все больше боевики по телевизору смотришь?

— Как я провожу свое свободное время — это мое личное дело, — спокойно ответил эксперт-гистолог. — Если у тебя есть что сказать — говори, уточним диагноз. А если ты пришел орать на меня и учить жизни, то извини. Мне есть чем заняться в рабочее время.

При гистологическом исследовании Сергей обнаружил микроскопические изменения, которые могли свидетельствовать о том, что у ребенка была смешанная инфекция — парагрипп и аденовирус. Кроме того, он увидел признаки хронического неспецифического воспаления слюнных желез — сиалоаденита. В конечном итоге он пришел к выводу, что имеет место еще и затяжная локализованная цитомегаловирусная инфекция, к которой присоединилась «микст-инфекция» из парагриппозной и аденовирусной инфекций, что и привело к смерти малышки. И ни о каком синдроме внезапной смерти речь идти не могла в принципе.

Разумеется, как и всегда в сложных или неоднозначных случаях, Сергей отнес стеклопрепараты Ольге, чтобы она не только посмотрела дома сама,

но и показала их у себя в патанатомии. И она, и все ее коллеги дружно сошлись во мнении, что Саблин прав, поэтому к моменту разговора с Филимоновым ни малейших сомнений у Сергея уже не было.

Он постарался не выходить из себя и детально изложить танатологу свои результаты. Филимонов слушал внимательно, его красивое лицо было серьезным, от недавней враждебности не осталось и следа.

— Понял, — резюмировал он в конце. — Но в вашей науке я слабоват. Детская смерть — значит, неизбежна клинико-анатомическая конференция, и если я пойду туда один, от меня только мокрое место останется. Ты же понимаешь, Серега, врачи удавятся, но не признают, что ребенок умер от инфекции, потому что это прямой их недосмотр. Дети в нашей стране имеют право умирать от чего угодно, только не от инфекций, в противном случае педиатрам головы сносят.

Да, именно это Саблину и говорила когда-то Юлия Анисимовна. Ничего нового, что Москва — что Северогорск, что 1997 год — что 2002, никакой разницы. Правда, в тот раз речь шла о смерти после вакцинации, но разве в этом суть?

— Они на меня нападут и разгрызут на мелкие кусочки, — продолжал между тем Виталий. — Так что придется тебе пойти со мной и помогать отстаивать диагноз, один я не справлюсь.

— А ты амбулаторную карту ребенка запрашивал? Что там было написано?

— Да карту до сих пор не привезли, — махнул рукой Филимонов. — Бюрократию развели, каждая бумажка по две недели из кабинета в кабинет ходит.

— Твою мать! — в сердцах бросил Сергей. — А сам съездить не мог? Корона упадет? Ты с матерью ребенка разговаривал?

Тот отрицательно покачал головой.

— Почему? Ты должен был в первую очередь с ней поговорить, все вопросы задать, а не карту ждать. Слушай, ну почему ты такой урод, а? Тебе что, в самом деле по барабану, какой диагноз выставить? Тебя не колыхнет, что он неправильный?

Он опять начал срываться на крик, но тут Виталий миролюбиво улыбнулся:

— Ладно, Серега, не кипятись, я все понял и все принял, напишу в заключении генерализованную цитомегаловирусную инфекцию. Пойдет? Но только на конференцию — вместе. Если ты такой принципиальный и для тебя важно, какой будет стоять диагноз, то ты уж мне помоги, а то мне не отбиться.

Сергей пообещал прийти вместе с ним на конференцию. И вот теперь он сидел в зале, смотрел на собирающихся медиков и выискивал знакомые лица. Увидев Нестерову, заведующую детской поликлиникой, он приветственно кивнул ей. Заведующая радостно улыбнулась и стала пробираться к ним поближе.

— А вы какими судьбами здесь, Сергей Михайлович? Разве это вы вскрывали? Мне казалось, речь шла о другом эксперте.

— Вы не ошиблись, — улыбнулся Филимонов, — труп вскрывал я, но на диагнозе настоял именно гистолог, вот я и попросил его поприсутствовать, чтобы дать разъяснения, если понадобится.

— Разъяснения? — Нестерова не скрывала недоумения. — А разве девочка умерла не от СВС? У нас все считают...

— И неправильно считают, — резко проговорил Саблин. — У меня другое мнение, и я искренне надеюсь, что мне удастся убедить в его правильности нашу медицинскую общественность.